

ОРИЕНТИР ПО БЕРЕГУ

Повесть

Si vous entrez dans une *public house*, n'offrez jamais de pourboire à la *barmaid*, car c'est une dame...

Andre Maurois: *Conceils a un jeune Francais partant pour l'Angleterre.*

Случись вам зайти в *public house**, никогда не предлагайте чаевых *barmaid*** , ибо перед вами дама.

Андре Моруа, "Советы молодому французу, отъезжающему в Англию".

* пивбар, англ.

** буфетчица, англ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Машина - холодный, открытый двухместный автомобильчик - отделилась от неясного силуэта данс-холла. Набрав скорость с результатом, значительно более скромным, чем предвещало громовое крещендо ее двигателя, она покатила вниз по приморскому бульвару; единственная оснащенная маскировкой фара бледно светилась в кромешной темноте. Вскоре она свернула и направилась через парк к городу. Ровное урчание мотора сбилось с ритма, раздался резкий хлопок, и длинное желтое пламя выметнулось из трубы глушителя. Машина неподвижно застыла под деревьями.

Водитель в тесной кабинке чувствовал плечо девушки, прижатое к его собственному; лишь толстая шинель мешала ему ощутить теплоту ее бедра. Он повернулся к ней:

- Не понимаю, в чем дело, - сказал он. - Она дальше не поедет.

Она сказала:

- Нет, поедет. Попробуй еще раз.

Он сказал:

- Я-то попробую, если хочешь. Но думаю, все равно ничего не выйдет. Время от времени с ней такое бывает.

- Давай, заводи.

Он толкнул ногой стартер. Огоньки приборов, и без того тусклые, превратились в слабые красные искорки, а изношенный двигатель вяло прокрутился несколько раз.

- Не поедет, - сказал он, и в голосе его послышался смех. - Дождем залило, или еще что.

Она зашевелилась рядом:

- Я могу на автобусе - там, на углу остановка.

Он сказал:

- погоди, скоро лошадь подойдет.

- Какая лошадь?

- Которая за нами идет, чтобы домой оттащить. Уже недолго осталось. Можешь ее сахарком угостить, только ладонь держи ровно. А то без пальца останешься.

Сеялся мелкий дождь. Она пристально посмотрела на него из темноты, из-под шуршащего брезента складного верха.

- О чем это ты?

- О лошади. Если хочешь, ее можно и по носу погладить. Я подержу.

- Откуда у тебя лошадь возьмется?

Он сказал:

- Возьмется. Посидим здесь немного, и она подойдет.

- Я подожду до следующего автобуса.

- Ладно. Как тебя зовут?

Она замялась.

- А тебе что, все знать надо, да?

- Разве я много прошу? Коротать эту ночьку нам придется на пару, а ты мне даже имени назвать не хочешь.

Она встревожилась, сникла.

- Я не понимаю, о чем ты говоришь, - сказала она. И стала шарить по дверце, искать ручку.

Теперь он откровенно смеялся.

- Ты ведь сама решила дожидаться следующего автобуса. Сейчас уже полночь; до утра автобусов больше не будет. Значит, сидеть тебе со мной всю ночь. По мне, так самое время познакомиться.

У нее отлегло от сердца.

- Нет, ты, правда, такое мелешь!

- Опять не угодил! Целый вечер только и знаешь, что ко мне придираешься.

- А то ты не понимаешь, что сказал.

- Понимаю. Я спросил, как тебя зовут, а ты не хочешь отвечать. Ты, небось, вражеский лазутчик, и боишься, что я напущу на тебя полицию.

- Это я на тебя полицию напущу, если ты не отвезешь меня домой.

- Чес-слово, сразу отвезу, как только лошадь подойдет. А пока, ей-богу, мы могли бы и познакомиться.

Она хихикнула.

- Ты меня уже видел, и не раз.

- Знаю, что видел. В том-то и дело.

- А я знаю, как тебя зовут.

Он повернулся к ней, всем своим существом ощущая ее присутствие рядом.

- Правда?

Она кивнула.

- Ты с Эмсуортского аэродрома. Тебя называют Джерри, да?

- О ... да. Меня все называют Джерри. А ты откуда знаешь?

- Какая тебе разница. Джерри - это сокращенно от какого имени?

Джеральд?

- Нет, Чэмберс. Родерик Чэмберс. Но ты можешь называть меня

Джерри.

Она отвернулась: - Ну, ты такое мелешь!

- Это мы уже слышали. Скажи же, в конце концов, как тебя зовут. Я ведь тебе сказал.

Она смилостивилась.

- Мона Стивенс.

- Мона.

Он помолчал немного, потом сказал:

- Ничего, красиво.

Она оживилась, довольная:

- Да, правда, красиво? В смысле, Моны не часто встречаются. Не то, что какая-нибудь там Эмили или еще кто.

Он повернулся к ней:

- А где ты работаешь?

Она засмеялась ему в лицо:

- Подумай хорошенько.

- Я и думаю. Ты случайно не та старуха, что прибирает у меня в спальне?

- Нет, не та.

- Так я и думал. А жаль.

Она переменяла тему.

- Я знаю, что ты ел сегодня на ужин, - сказала она.

Он посмотрел на нее.

- Ну, что?

- Бифштекс с чипсами, потом кусочек стилтонского сыра. И горького выпил, три маленьких.

Он сказал в изумлении:

- Ясновидица.

Она покачала головой.

- Значит, узнала по запаху изо рта?

Она отвернулась.

- Какой ты грубый.

Он задумался на мгновение.

- Ну, значит, ты была сегодня в "Роял Клэрэнс".- Вдруг его осенило:

- Ну, конечно же. Ты работаешь в "Роял Клэрэнс", в буфете.

- Надо же, какой сообразительный, - съязвила она.

Он сказал, не очень уверенно:

- Это я, конечно, и так знал. Просто я голову тебе морочил.

- Болтай, болтай.

- Нет, честно. Думаешь, я из тех ребят, что ходят в "Павильон", чтобы девицу себе подцепить, да?

- Ну, а зачем же ты туда пришел?

Он сказал с важностью:

- Я пришел танцевать.

Она залилась колокольчиком.

- Вот была бы умора, начни ты плясать с этими офицерами, с которыми вошел.

- Ты не совсем меня поняла. Мы собирались компанией, и с девушками условились встретиться на месте. С Джинджер Роджерс, и Мерль Оберон, и Лореттой Янг, и ... м-м-м ... и еще кое с кем. Грета прийти не могла.

Она сказала с недоверием в голосе:

- Выдумываешь ты все. Что же с ними случилось?

- Они не пришли. Тогда я огляделся по сторонам, и оказалось, что ты во всем зале единственный человек, которого я знаю. Вот я тебя и пригласил.

- Болтун. Да ты и не узнал меня совсем.

Он сказал:

- Мне очень больно, когда ты со мной так разговариваешь.

- Да тебя хоть булавкой коли, и то тебе больно не будет.

Ветер слегка изменил направление, несколько капель дождевой воды, сбегавшей по брезенту, залетели внутрь и попали на девушку.

- Ну, вот, - сказала она. - Я сейчас вся промокну. Давай, вези меня домой.

- Лошадь подойдет с минуты на минуту, и мы поедем домой все вместе. Ты можешь верхом, если хочешь. Видишь, у меня и коврик есть.

Он протянул руку назад, к узенькому отделеньицу за креслами, вытащил коврик в промежутке между сидениями и укутал ей плечи. Для того чтобы проделать это, ему совершенно необходимо было завести руку ей за спину; она придвинулась к нему поближе, и его рука так и осталась лежать у нее на плечах.

Она сказала:

- Что ты делаешь у себя на аэродроме?

Он сказал:

- На самолетах летаю.

- А, так вот почему у тебя эти крылышки на груди, да?

- Точно. Это запасные, ношу на всякий случай.

- Ты капитан, или кто?

- Или кто. Старший лейтенант.

- А что вы делаете, когда летаете? Ты хоть одного немца сбил?

- Слава богу, сюда они не забираются. Мы просто летаем над морем, смотрим, где какие корабли внизу, и докладываем.

- Наверное, это ужасно интересно.

- Скучища такая, хоть плачь.

Он повернулся к ней; теперь они прижимались друг к другу немного теснее.

- Ты ведь недавно в "Роял Клэрэнс", да?

- Полгода уже. Ну, ты даешь, наблюдательности никакой.

Он сказал:

- Слушай, давай больше не будем об этом. А раньше ты чем занималась?

- На корсетной фабрике работала - "Флексоз". Попала туда сразу после школы, да так и осталась. Но знаешь, это не жизнь, сидеть целыми днями на фабрике. Я папаше все уши об этом прожужжала, и в прошлом году он мне говорит: мол, теперь тебе двадцать один, делай, как знаешь. Ну, я и пошла к мистеру Уильямсу в "Роял Клэрэнс", потому что он знакомый моего дяди по "Дартс клубу", и он поговорил обо мне с управляющим. Вот я и стала работать в буфете.

- Да уж, думаю, там веселее, чем целыми днями корсеты шить.

- Еще бы. Только я не на корсетах была. Я сидела на чашечках.

Он сказал невинным тоном:

- А какая разница?

- Ну, чашечка, это то, что на... - Она спохватилась. - Сам знаешь, что это такое. Ты просто вредничаешь.

В теплой темноте под ковриком его рука опустилась ниже, легла ей на бок. Он пошевелил пальцами.

- Да я честно, не знаю. Это, да?

- Нет, не это. Прекрати, а то я встану и пойду домой.

- Я только спросить хотел.

- А ты в газетах посмотри. Там их в каждой рекламе видимо-невидимо.

- Я рекламу не читаю. По мне, она чересчур вульгарна.

- Да уж не вульгарнее того, чем ты сейчас занимаешься. Прекрати, а то я встану и уйду. Честное слово, уйду.

- Дождь ведь, промокнешь.

- И все из-за тебя.

- Схватишь двустороннее воспаление, и умрешь. На тебе слишком мало надето, чтобы разгуливать среди ночи, да еще в такой жуткий ураган.

- Не твое дело, сколько на мне надето. Это тебя не касается.

- Ну, как знаешь. Я собирался купить тебе красивую шубку из горностая и оторочкой из ... м-м-м ... райских птичек. Но раз это меня не касается, придется раздобыть тебе кое-что другое. Как насчет леденцовой палочки?

- Ты и правда болтун. Нет у тебя никакой леденцовой палочки, и шубы из горностая тоже.

Он сказал:

- У меня есть сигарета.

После серии акробатических движений им удалось раскурить сигареты, не меняя положения его руки, обнимавшей ее за плечи; теперь они прижимались друг к другу еще теснее. Несколько минут они курили молча.

Вдруг на тротуаре со стороны Чэмберса замаячила какая-то фигура в жестяной каске и плаще, с которого капала вода. Поравнявшись с автомобильчиком, она остановилась; молодой человек сумел разглядеть со своего сидения, что это уполномоченный противовоздушной обороны на обходе.

Уполномоченный сказал:

- На вашем месте я бы завел машину и ехал домой. Становится поздновато, а?

Чэмберс сказал:

- Не могу. У нас машина сломалась. Мы ждем, когда подойдет лошадь и отбуксирует нас домой.

- Вы в самом деле полагаете, что я на это клюну?

- Да вот дама же клюнула. Она мне верит, а вы чем лучше?

Уполномоченный откашлялся и сказал, наклонившись к машине:

- На вашем месте, мисс, я бы заставил его отвезти вас домой.

Девушка не ответила. Чэмберс сказал:

- Знаете что, шли бы вы своей дорогой и оставили нас в покое.

Уполномоченный подбоченился, сунув большие пальцы рук за ремень. Ему было пятьдесят шесть, и в рабочее время он был бухгалтер. Он сказал:

- На этих общественных дорогах с началом светомаскировки парковка запрещена. Они должны быть свободными на случай пожарных машин, и так далее. Уезжайте отсюда. Если вы настроились на всю ночь, можете постоять на площади у вокзала.

Он пустил в ход козырную карту и понимал это. Чэмберс с неохотой потянулся к стартеру; мотор вяло шевельнулся и загрохотал тремя цилиндрами; вскоре к ним присоединился и четвертый. Пилот убрал руку с плеча девушки.

- Тут он нас, пожалуй, прищучил, - сказал он. - Придется ехать.

Она кивнула.

- Он не из робкого десятка, - сказала она. - С ним лучше не связываться.

Чэмберс, так же тихо, ответил:

- Стоит ли поднимать из-за этого шум? И потом, насчет дорог он прав. Там наверху висит объявление.

Он выжал сцепление, и машина тронулась с места. Девушка укуталась ковриком и села немного ровнее. В кромешной темноте они въехали в Портсмут, город без единого фонаря на улице, без единого огонька в окне. Только мутный свет его затемненной фары падал на дорогу перед колесами, а дальше все было чернота и безмолвие.

Наконец он отыскал ее дом на углу убогой улочки. Судя по всему, это была бедная лавчонка, торговавшая подержанной мебелью; он затормозил у бокового входа.

Она сказала:

- Я чудесно провела вечер, было так весело. Огромное тебе спасибо, что ты подвез меня до дома.

Он сказал:

- Хорошо, что Джинджер Роджерс не пришла. Ты танцуешь намного лучше.

- Да будет тебе.

- Еще раз сходим?

- Давай.

- Может, завтра?

- Как хочешь. В то же время, в "Павильоне"?

- Мне только надо отделаться от Лоретты Янг, но я сумею ее отфутболить, в лучшем виде. Скажу, у меня ветрянка. В пол-одиннадцатого?

- Хорошо.

- А поцелуемся мы сейчас?

- Нет, не сейчас.

- Ну, тут-то ты ошибаешься.

Вскоре она вышла из машины, задержалась на мгновение в тени на пороге, гибкая и стройная, помахала ему рукой. Он снова завел изношенный двигатель спортивного автомобильчика и выехал на загородное шоссе.

Девушка закрыла входную дверь, заперла на засов, выключила мерцавший газовый рожок и поднялась по узкой лестнице в свою комнату. Крадучись, она прошла по линолеуму и осторожно притворила за собой дверь так, чтобы не разбудить мать. Та никогда не вмешивалась в ее дела, не интересовалась, с кем гуляет дочка, но хотела, чтобы до полуночи она возвращалась домой.

Комната у нее была отдельная, так как из всех детей дома оставалась она одна. Брат Берт служил во флоте, старшим матросом на "Файердрейке", и находился сейчас в плавании. Скорее всего, где-нибудь в Южной Атлантике; последняя весточка от него пришла месяца полтора назад. Во флот он, конечно, попал не случайно. Их отец прослужил почти тридцать лет, и вышел в отставку главным корабельным старшиной. Он выслужил себе небольшую пенсию, да еще лавка давала несколько шиллингов в неделю - им хватало.

Раньше, пока не началась война, в этой комнатке с ней жила сестра, Милли; до войны она работала на корсетной фабрике. Потом началась паника, на фабрике пошли сокращения; сто пятьдесят девушек, а с ними и Милли, вышвырнули на улицу. Тогда она поступила на службу в ATS¹, и

¹ "Вспомогательная Территориальная Служба", позднее переименованная в WRAC - "Женская Вспомогательная Служба Сухопутных Войск"

работала теперь в столовой в Кэмп Бордон. Военная форма и цвет хаки были ей очень к лицу; Мона иногда жалела, что и сама не завербовалась с ней на пару. Но работа в буфете не в пример занятнее: там все веселятся, офицеры выпивают со своими дамами, и все такое.

В комнате было холодно, она торопливо разделась и юркнула в постель. Надо же! Нахал! Чашечки это или нет. Он, наверное, просто хотел ее подразнить. Таких глупостей она еще в жизни ни от кого не слышала, но с ним было весело. Хорошо, что он опять пригласил ее на танцы. Он такой высокий - шесть футов два дюйма, не меньше; длинная голубая шинель и маленькая голубая пилотка, надетая набекрень на черных волосах, делали его еще выше. Он, наверное, старше ее - ему должно быть года двадцать три-двадцать четыре. А лицо очень молодое, и щеки розовые.

Он ей понравился. Хорошо, что они опять пойдут на танцы; ей приятно думать об этой встрече.

Они называют его Джерри. До чего отвратительно²: типичная офицерская шуточка.

Вскоре она уснула.

За десять миль от ее дома Чэмберс повернул свой гремучий автомобильчик в ворота, за которыми находилась офицерская казарма, и припарковался в сарае без стен, который служил им гаражом. Потом накрыл радиатор ковриком на случай мороза и пошел в казарму. Казарма у них была хорошая - солидное здание из красного кирпича, построенное лет десять назад по проекту хорошего архитектора. Сейчас она была переполнена: вместо двух эскадрилий, как полагалось до войны, аэродром вмещал пять. Там, где некогда находились теннисные корты, выросло скопище спальных домиков, но Чэмберс жил в самой казарме. Он жил там уже три года, с тех пор как окончил летное училище в Крэнзуэлле.

В вестибюле еще горела одна лампочка; он прошел через всю комнату, и стал изучать табло оперативной информации. Прогноз погоды на утро был уже на месте: облачность на высоте тысяча футов, десять десятых. Он сонно поморщился; декабрь есть декабрь, и ни на что другое рассчитывать не приходится. Потом пробежал глазами по другим объявлениям. Боевые учения в квадрате SQ с 12:00 до 14:00 - об этом у него голова не болит. Испытательные полеты в квадрате TD в 10:00 - это может быть интересно. Зенитные стрельбы на Депарчер Пойнт в квадрате

² "джерри" на военном жаргоне - немец, "фриц".

SL - совершенно не по его части. Ничего такого, что бы касалось лично его.

Он взглянул на часы - полвторого, и стал подниматься к себе.

Комнатка у него была довольно уютная, хотя и обставлена по спартански. Там стояла железная кровать с чистым белым покрывалом; ординарец уже успел заправить постель и выложил сверху его пижаму. Стены были выкрашены серой клеевой краской. Еще у него был крохотный умывальник с водопроводным краном, крохотная батарея отопления и большой, высокий крашенный комод. На каминной полке стояла фотография отца с матерью и несколько детективных романов. В эркере расположился большой стол из сосновых досок; за этим столом протекала почти вся его личная жизнь.

В выдвижных ящиках стола хранились письма, авторучка, пузырек с чернилами, и всякие прочие мелочи, которые он непременно носил бы с собой, если бы они не выпирали из карманов и не портили строгую линию мундира. На столе стоял приемник - переплетение проводов, катушек, конденсаторов и радиоламп, смонтированных на обычной сосновой доске и в жизни не ведавших, что такое футляр. Он собрал его сам; приемник прекрасно ловил Америку. Рядом расположился галеон. Конструктор он купил месяца два назад и, заглядывая в инструкцию, терпеливо оснащал нитками реи и раскрашивал кораблик яркими красителями из маленьких баночек, входивших в набор. Модель была уже почти наполовину готова.

Он любовно оглядел ее со всех сторон; ему нравилась эта тонкая, кропотливая работа. Заниматься ею в долгие часы, свободные от службы, было одно удовольствие. Сначала он думал назвать кораблик "Санта Мария" - по инструкции именно эти слова полагалось выписать под кормовым балкончиком. "Мона Лиза" будет не хуже, решил он, к тому же тогда и места для надписи потребуется меньше. Мона.

Он пощелкал тумблерами, включил приемник и настроился на Шенектеди. Раздался слабый звук танцевального оркестра, заглушаемый фоновым шумом и писком морзянки и его, как всегда, охватило волнение. В комнате было холодно, он повесил противогаз на спинку стула и стал раздеваться.

Лежа в постели, он дернул за шнур, хитроумно протянутый через рейку для картины к выключателю у двери, и подоткнул холодные простыни. Эта Мона, она малышка ничего. В "Павильоне" он танцевал уже несколько раз, но еще ни с одной из партнерш ему не хотелось встречаться дважды; как правило, он расставался с ними без сожаления. С

этой было иначе. Она, конечно же, глупа как курица, но девицы, похоже, все такие. Потанцевать с ней еще один вечер было бы здорово, только бы из казармы никто не увидел. А то будут потом подначивать.

Может быть лучше, в конце концов, впредь ограничиваться пивом.

Он снова подумал о ней, вспомнил прикосновение ее плеча и уснул, тихо улыбаясь.

Через пять часов щелкнул выключатель у двери, Чэмберс вздрогнул и проснулся. Ординарец поставил возле кровати чашку чая.

- Полседьмого, сэр, - сказал он. - Поливало, кажись, всю ночь, но сейчас дождя нет.

Летчик сел в кровати и взял чашку.

- А как ветер?

- С северо-востока задувает немного. - Ординарец забрал его ботинки и, не выключая света, вышел из комнаты.

Чэмберс встал, оделся, побрился и спустился в столовую. За одним из длинных столов завтракало человека четыре молодых парней, их обслуживала заспанная официантка из WAAF³. На улице было еще темно, и шторы на окнах оставались задернутыми; в холодном свете полдюжины электрических лампочек еда казалась неаппетитной и безрадостной. Он выдвинул себе стул и принялся за овсянку.

Кто-то сказал:

- Привет, Джерри. Ты когда вернулся?

- В полвторого.

Другой сказал:

- Я видел, у тебя все шло путем. А мне надоело, и я смотался.

Разговор иссяк; летчики ели молча и торопливо. Уже месяц они летали в утреннюю смену, и надоело им это до чертиков. Утро наступало поздно, темное, холодное, и патрулировать над морем в такую погоду было неприятно, скучно до чертиков, и немного опасно. В эскадрилье не обошлось без потерь: случилось несколько лишенных романтики, но от этого не менее ужасных смертей, когда пилоты, не рассчитав запаса топлива, садились на воду и, либо тонули, либо погибали от переохлаждения. И противопоставить этой мрачной картине было нечего - разве только длинные бессмысленные списки добываемой ежедневно статистики: название и национальность кораблей, замеченных в районе патрулирования, с указанием координат и курса каждого. Это была занудная канцелярская работа, и совершенно бессмысленная до тех пор,

³ Женская Вспомогательная Служба ВВС

пока их сведения не попадали к начальству в штаб Королевского флота, где их превращали в очередной узор ежедневной мозаики морской войны.

Сегодня их звено вылетало в утреннюю смену в последний раз. Назавтра график полетов изменится: они будут патрулировать в том же районе, но днем.

- Как тот хренов конь на гумне: наладят его по кругу в обратную сторону, а он уж и рад, будто в отпуск попал, - сказал Чэмберс. За три месяца, которые прошли с начала войны, никто в эскадрилье ни разу не видел ни одного вражеского судна, не выпустил очереди из пулемета, не сбросил, в ярости, бомбу.

Летчики закончили завтракать, натянули тяжелые шинели и пошли в ангар. Машины уже стояли на бетонированной площадке и прогревали двигатели; по размокшему полю стелился серый рассвет. В комнате для пилотов молодые люди переоделись в летные комбинезоны, натянули унты, застегнули шлемы. Они летали на закрытых двухмоторных монопланах; летом им шлемы будут ни к чему. А сейчас их надевали от холода.

Экипаж каждой машины состоял из четырех человек: офицер, сержант-второй пилот, бортрадист и бортстрелок. В боекомплект входили две стофунтовые и несколько двадцатифунтовых бомб; одной заправки топлива хватало на шесть часов полета.

Офицеры, вооружившись картами, собрались вокруг командира звена и выслушали последние распоряжения. Затем они разделились, и каждый пошел к своему самолету. Экипажи стояли наготове, лопасти винтов вращались. Друг за дружкой они забрались в машины и расселись по местам; люки за ними захлопнулись. В патрулировании участвовали одновременно четыре машины. Моторы взревели, когда пилоты включили форсаж, башмаки по команде были отброшены в сторону, машины стали выруливать к дальней изгороди, и взлетели друг за другом в холодное рассветное небо.

Во время длинного разбега Чэмберс с напряжением сидел за штурвалом. Машину свою он знал хорошо, но при полной загрузке она могла взлететь только над самой изгородью в дальнем конце поля. Сегодня было легче, чем всегда: им отвели длинную полосу, и ветер был в самый раз. Разогнавшись до восьмидесяти миль в час, он оторвал ее от земли ярдов за триста до изгороди и держал на брющем, пока она набирала скорость. Затем толкнул локтем сидевшего рядом сержанта

Хатчинсона, и тот начал вручную убирать шасси с помощью громоздкого старомодного приспособления.

Время от времени, по мере того, как они набирали высоту, сержант оставлял свое занятие и вытирал нос. У него был жуткий насморк, и чувствовал он себя неважно.

По правилам, до полетов его допускать не следовало, но пилотов в эскадрилье временно не хватало: несколько человек отозвали в бомбардировочную авиацию.

Сидевший позади сержанта молодой бортрадист с бледным лицом развернул антенну и послал несколько коротких пробных сигналов, разрешенных по уставу; затем ему предстояло погружение в радиотишину, нарушать которую он мог только по приказу командира в случае чрезвычайной ситуации. Он сидел с наушниками на голове, обшаривал диапазоны, вращая рукоятку конденсора, сонный, озябший, изнывающий от скуки. Бортстрелок, капрал, сидел у него за спиной в своей башне, поигрывая пулеметом. Когда они пересекали линию приборя, капрал выпустил длинную пробную очередь в воду; стрекот пулемета странно ворвался в ровное гудение моторов. После этого капрал замер без движения на крохотном сидении в тесной башенке, внимательно вглядываясь в серую, туманную, гофрированную поверхность моря.

Чэмберс передал управление Хатчинсону и пересел за столик с картой. Он указал сержанту курс, и тот установил его на компасе. Они продолжали лететь через Канал⁴ на высоте около семисот футов под дымным слоем облаков. Другие машины вскоре исчезли из виду: каждая легла на свой курс.

Чэмберс сидел за прокладочным столиком и внимательно смотрел в огромные стекла кабины. Перед собой он держал раскрытый блокнот, на свежей странице которого его рукой были помечены дата и время вылета, а также время прохождения береговой линии. Видимость в сером утреннем свете была из рук вон; заметить какой бы то ни было корабль было практически невозможно, разве что они прошли бы прямо над ним. Все напряженно вглядывались вниз: делать больше все равно было нечего.

Так они летели час, коченея от холода. Раньше всех стужа начинала доносить бортрадиста. Это был бледный паренек девятнадцати лет родом из Бермондси; он был не очень-то вынослив, монотонность полета выводила его из себя. Парень просто изнывал от безделья. Запрет на

⁴ Английское название пролива Ла-Манш

выход в эфир соблюдался строжайше, нарушать его можно было только в случае чрезвычайной ситуации, каковая за три месяца не случилась ни разу. За все это время он так и не сделал ничего полезного, и служба надоела ему до чертиков. Поэтому он ненавидел патрулирование, и холод донимал его сильнее, чем всех остальных.

Чэмберс вернулся в кресло первого пилота.

- Смотри, скоро должны появиться Каскетс, - сказал он.

Сержант кивнул.

Минут через пять Хатчинсон дернул его за рукав и показал вниз. Молодой офицер перегнулся и сквозь серый туман разглядел небольшую черную скалу, окольцованную белой пеной прибоя. Потом показался длинный черный риф, а потом снова потянулось море.

Чэмберс сказал:

- Ради всего святого, только не теряй его из виду. Развернись-ка по новой.

Он пересел обратно за прокладочный столик и склонился над картой. Это могли быть Лежюмо или часть острова Олдерни. Пока они кружили над рифом, он проложил по карте новый курс, и сержант развернул машину. Вскоре из тумана выплыл остров, голый и скалистый, с маяком.

Машина отвернула в сторону и легла на обратный курс к побережью Англии, сместившись на десять миль западнее исходного маршрута. В их задачу входило исчертить таким образом весь район, чтобы к окончанию пятичасового патрулирования представить точный доклад обо всем, что плавало в их зоне. То есть, теоретически обо всем, потому что в такие утра, как сегодня, они видели едва ли дальше полумили по обе стороны от самолета.

У самого побережья Англии они заметили какой-то корабль, это был угольщик с большими буквами NORGE, нарисованными вдоль борта. Они обошли его по кругу и пронеслись низко над самой кормой, прочитав название судна - "Helga". Затем продолжили полет. Чэмберс достал пузырек с мятным леденцами; все съели по одной конфетке, запивая горячим кофе из термосов. Кофе и горячий сладкий вкус мяты освежили их и немного взбодрили - холод делал всех вялыми и апатичными.

Сделав отметку по берегу, они повернули обратно в сторону Франции. Так они и кружили все серое утро, усталые, немея от холода, дуря от скуки. Время от времени, заметив корабль, они заносили в журнал все, что от них требовалось: название, национальность, курс,

скорость. Капрал за турелью пулемета от изнеможения впал в состояние комы. Шел час за часом, а они все кружили и кружили. Наконец, Чэмберс начал поглядывать на часы над столиком с картой: скоро можно будет поворачивать ближе к дому.

Они вышли из зоны патрулирования в половине двенадцатого, а в полдень снова пересекли линию английского побережья. Когда пролетали над длинными пустыми пляжами, справа по борту встречным курсом прошли четыре машины дневной смены; Чэмберс приветственно покачал им крыльями. Потом они вышли к аэродрому. Сержант выпустил шасси, готовясь к посадке, и пилот начал плавный разворот над ангарами. Они сделали широкий вираж и приблизились к изгороди; закрылки опустились, земля стремительно рванулась навстречу. Пилот ждал этого момента и с усилием потянул штурвал на себя; моноплан мягко, но решительно коснулся земли и продолжал нестись по полю с огромной скоростью. Чэмберс резко перевел управляющий закрылками рычаг в верхнее положение и стал потихоньку нажимать на тормоза. Машина пробежала еще несколько сот ярдов; потом ее скорость упала до нужной отметки, и он повернул к ангарам.

Чэмберс выключил двигатели; подошел техник и открыл дверцу кабины. Выходить из самолета никто не спешил. Они устали и ооченели так, что не было сил сразу сдвинуться с места. Капрал разрядил пулемет и убрал магазины; бортрадист безжизненно сидел за своим столиком. Сержант записывал в бортжурнал подробности патрулирования и время полета к контрольным пунктам. Пилот сделал в блокноте несколько пометок карандашом и собрал карты.

В пилотской, пристроившись у печки, он стал медленно стягивать комбинезон. Трое остальных уже писали свои рапорты. Матесон сказал:

- Видел что-нибудь?

- Хрен там что увидишь. - Выбираясь из своего комбинезона, Чэмберс дрожал от холода. - Море воды и пару раздолбанных корыт.

Он повернулся к печке. Дверь у него за спиной распахнулась, и в тесную комнатку шагнул командир звена, розовощекий парень лет двадцати пяти по фамилии Хупер.

Матесон сказал:

- Джерри ничего не видел. А в чем, собственно, дело?

- Убейте, не знаю.

Чэмберс повернулся к нему.

- А что, стряслось что-нибудь?

Вошедший пожал плечами.

- Идет какой-то шухер, а по какому поводу, я так и не понял. Ты ничего не видел?

- Пару посудин.

Он потянулся за блокнотом; командир звена заглянул ему через плечо. Вдвоем они прошлись по списку с названиями судов, временем их обнаружения и координатами.

- Все путем, - сказал Хупер. - Ничего необычного?

- Абсолютно.

- Но что-то все равно случилось. Очень уж флотские суетятся.

Летчик отвернулся к печке и склонился над ней, отогревая окоченевшее тело.

- А пошли они, эти флотские, - с раздражением сказал он. - Вечно им что-нибудь не так.

Командир звена взял блокнот и отправился в кабинет командира эскадрильи.

- Только что сел Джерри, сэр. Вот его журнал. Он ничего особенного не видел.

Петерсон взял бортжурнал, пробежал глазами список судов.

- Ч-черт, - сказал он тихо. - Неужели никто не видел "Лохенти"?

- "Лохенти"?

- Да.

Командир эскадрильи замялся.

- Там идет жуткий скандал по поводу какого-то "Лохенти". Его топедировали в районе Сент-Кэтринс.

- Утром?

Тот кивнул.

Молодой командир звена поморщился. Точно в центре их зоны патрулирования.

- Так это флотские из-за "Лохенти" шумят?

- Ну да. Пойдемте-ка со мной.

Они молча вышли из кабинета и двинулись по дороге к кабинету уинг-командера⁵. Уинг-командер Диккенс был невысокого роста темноволосый, довольно вспыльчивый человек. Толковый командир, он, по примеру служака старой закалки, стоял за строгую субординацию. И особо напирал на дисциплину, требуя жесткого, беспрекословного и буквального исполнения любого приказа. Младших офицеров,

⁵ Чин ВВС, соответствующий званию подполковника сухопутных войск.

проявлявших инициативу, он не очень-то жаловал; в их обязанности входило одно: делать только то, что велят, не больше, и не меньше.

Когда они вошли в кабинет, зазвонил телефон. Он кивнул вошедшим и взял трубку. Чей-то голос сказал:

- На проводе капитан⁶ Бернэби, сэр.

- О ..., соедините. - Уинг-коммандер прикрыл трубку рукой и сказал: - Подождите минутку за дверью.

Командир эскадрильи и Хупер ретировались, закрыли за собой дверь и остались стоять в коридоре.

Уинг-коммандер стоял и ждал с тяжелым сердцем. Он не страдал избытком воображения, но фигура Бернэби, капитана Королевского флота, отчетливо стояла у него перед глазами. Это был человек лет пятидесяти, еще в полном расцвете сил, плотно сбитый, выше шести футов роста, с квадратным обветренным лицом и черными косматыми бровями. Человек прямой и откровенный, который бывал всегда и во всем прав. К тому же очень влиятельный - как-никак, адмиральский чин, - и пользующийся полным доверием главнокомандующего. Человек, по мнению которого, ВВС Его Величества были для Флота ненужной роскошью.

Капитан Бернэби говорил из своего кабинета в боковом крыле Адмиралтейства. Он сказал:

- Уинг-коммандер Диккенс? По поводу "Лохенти". У меня радиограмма с траулера, который подобрал тех, кто уцелел. Их, вне всякого сомнения, торпедировали милях в десяти от Сент-Кэтринс, на курсе один-девять-два.

Офицер ВВС сказал:

- А они уверены, что это была торпеда?

- Конечно: они видели след. Это случилось в десять-ноль-пять.

Судно затонуло в десять-семнадцать, на воде остались кое-какие обломки и шлюпка; мой траулер снял их в одиннадцать-восемнадцать. Будьте любезны доложить, что сообщают ваши экипажи.

Уинг-коммандер смущенно заерзал на стуле.

- Пока в рапортах нет никакой информации.

- Пока? У вас что, еще не все вернулись?

- Последний только что сел.

- У него тоже ничего нет?

- Ничего. Видимость была очень низкая.

⁶ Чин ВМС, соответствующий званию полковника сухопутных войск.

- Это произошло в зоне действия вашего утреннего патруля. Вы хотите сказать, что ни один из ваших самолетов вообще ничего не видел?

- Судя по всему, нет. Понимаете, видимость была такая, что машина могла пройти мили за две и ничего не заметить.

- Ничего я понимать не желаю. Мои траулеры вышли на место сразу же.

Уинг-коммандер неуверенно сказал:

- На воде видимость часто намного лучше.

Уже три месяца на плечах обоих мужчин лежал груз командования в условиях войны. За все три месяца ни тот, ни другой не имели ни дня отдыха.

Капитан сказал зловещим тоном:

- Совершенно с вами согласен. Я сам говорю то же самое, когда возникает вопрос, нужен ли нам воздушный патруль вообще.

Наступила неловкая пауза.

Капитан сказал:

- Как у вас организован контроль над тем, чтобы экипажи патрулировали точно в заданных районах?

Низкорослый уинг-коммандер вдруг вспылел.

- Это вмешательство в мои должностные обязанности. Нам будет легче разговаривать, капитан Бернэби, если мы будем взаимно корректны.

Тот ответил без обиняков:

- Я буду корректен настолько, насколько мне позволят факты. Главнокомандующий ждет доклада по этому делу, и мне нужно знать факты. Пока я знаю только то, что прямо под моим носом торпедировано ценное судно. Я знаю, что спаслось тринадцать человек, а около сотни, в том числе женщины, погибли. Я знаю, что мой траулер вышел на них и спас тринадцать жизней. Я знаю, что все мои просьбы об увеличении количества траулеров отклоняются, потому что воздушный патруль может, якобы, выполнить ту же работу с большим эффектом. А вам, оказывается, мешает плохая видимость. Никакой другой информации, по существу, вы нам предложить не можете?

- Не могу.

- Отлично, уинг-коммандер. Я так и доложу главкому.

Раздались короткие гудки; уинг-коммандер положил трубку, бледный от бешенства. Это была уже не первая его стычка с капитаном Бернэби. Умом он понимал, что видимость утром была из рук вон, и ожидать результатов было нельзя, но вспыльчивость брала свое: в душе

кипела обида, будто его только что обманули. Добывать результаты - обязанность летчиков. А они явились с пустыми руками.

Он прошел через комнату и открыл дверь

- Входите, - сказал он и вернулся к своему столу. - Так что у нас с этим судном? Видел его кто-нибудь?

Командир эскадрильи Петерсон сказал:

- Никто, сэр. А вы точно знаете, что оно было в нашем районе?

- Флотские говорят, оно находилось в пятнадцати милях от Сент-Кэтринс, на курсе один-девять-два.

Командир звена спросил:

- Когда это произошло?

- В пять минут одиннадцатого. - Низкорослый уинг-коммандер в упор посмотрел на молодого офицера. - В чьей это зоне?

Хупер на минуту задумался.

- Думаю, у Матесона, сэр.

- И он судна не видел?

- Он ничего не видел, сэр.

- А шлюпку, которую спас траулер?

- Он совершенно ничего не видел. Видимость была на нуле.

Уинг-коммандер сказал:

- Ну, вот что, такая работа никуда не годится. Вашей эскадрилье поручено патрулирование. С заданием вы не справились. Плохая видимость, говорите? Хорошо. Но полетам она не мешает. И что бы вы там ни придумали себе в оправдание, суть остается одна: эскадрилья не выполнила приказ.

В кабинете воцарилось тягостное молчание.

Диккенс продолжал:

- Теперь поздно жаловаться на погоду. Жаловаться надо было утром, до вылета, а не сейчас, когда они успели наломать дров. Скажи вы мне с утра, я бы что-нибудь придумал, - может быть, удвоил патруль.

Снова наступила напряженная, нервная пауза. Он продолжал:

- Ладно, пока все. К вашему сведению, у меня только что на проводе был капитан Бернэби. Он сказал, что в гробу видал такую береговую авиацию. И после сегодняшнего утра я с ним, пожалуй, согласен. Все. Свободны.

Командир эскадрильи поджал губы и ничего не ответил. Молодой командир звена импульсивно шагнул вперед.

- Только один вопрос, сэр, - запальчиво сказал он. – Пусть капитан Бернэби объяснит, почему его судно шло без конвоя, а не так, как положено.

- Вот это, Хупер, совершенно вас не касается, - отрезал уинг-коммандер. - Ваше дело - патруль, и работа патруля меня не устраивает. Можете идти. Матесона ко мне.

Они вышли; уинг-коммандер остался за столом, раздраженно постукивая карандашом по блокноту. Надо срочно встретиться с командующим округом ВВС и доложить обо всем самому: нельзя дожидаться, пока его опередит Бернэби.

Он просидел так некоторое время, одолеваемый мрачными мыслями. Этот Хупер, мальчишка ... хотя и правда, почему "Лохенти" шел без конвоя? Надо настропалить командующего - пусть выяснит. Он чересчур откровенен со щенками вроде Хупера, а те уже воображают себя генералами. Пора их поставить на место, пусть каждый усвоит, что ему надлежит делать только свою работу, от сих до сих, безо всяких там зачем да почему, и не совать нос в чужие дела. А уж он позаботится, чтобы впредь в его приказах было только то, что им полагается знать по уставу.

В комнате для пилотов летчики закончили писать короткие рапорты. Матесона вскоре вызвали к уинг-коммандеру Диккенсу; остальные отправились в казарму. Чэмберс поднялся к себе, умылся, постоял несколько минут перед зеркалом, зевая во весь рот, потом спустился в вестибюль, выпить пива перед обедом.

Там в угрюмом одиночестве сидел, нахохлившись над кружкой пива, Хупер.

- Ну и вздрючку мне сейчас устроил Диккенс, - сказал командир звена. - К черту такую работу. Придется, видно, подавать рапорт о переводе.

Чэмберс сказал:

- Так где же все-таки был этот "Лохенти"?

- В зоне у Матесона, прямехонько посередке. Благодарю бога, что не в твоей. Они там сейчас рвут и мечут.

- А меня не трогают?

- Пока нет.

- Пронесло, мать твою, - сказал Джерри и пошел обедать.

После обеда он зашел в комнату отдыха младших офицеров, попросил чашечку кофе, взял номер журнала "Только для мужчин" и вытянулся в кресле перед камином. Он перелистывал страницы

маленького издания, с легкой улыбкой рассматривая иллюстрации. Вскоре его веки опустились, и он уснул, вытянув длинные ноги в ту сторону, откуда тянуло ласковым теплом, и все его стройное тело пребывало в покое.

Через час он проснулся, отдохнувший и посвежевший. С тех пор, как их перевели в утреннее патрулирование, он привык спать после обеда. Он поерзал в кресле, прикинул, чем будет заниматься остаток дня. Завтра пересменка, до обеда полетов не будет. Следовательно, можно еще одну ночь погулять допоздна. На вечер он уговорился с этой новой подружкой и ждал встречи даже с каким-то удовольствием. Перед этим можно взять Матесона или Хупера и смотаться в кино, потом зайти в "Роял Клэрэнс", закусить в буфете яичницей с ветчиной. А пока еще остается часок для работы над галеоном.

Он до вечера провозился у себя в комнате, продевая крохотные канатики в маленькие блоки на реях и закрепляя их мелкими мазками секкотина⁷. Он был доволен своей работой. Воображение рисовало ему кораблик таким, каким тот должен был быть на самом деле; он увеличивался в размерах, превращался в океанское судно. Чэмберс разглядывал крутые линии корпуса и слышал клочкотание носовой волны под напором форштевня, видел длинный пенный след за кормой. Под ногами у него плавно дышала палуба, а при бортовом крене трещали и жалобно стонали реи. Для него этот кораблик был настоящим. И нравился ему необычайно.

Потом он спустился вниз, попил чаю, сел в машину и поехал в Портсмут. Он собирался сделать кое-какие покупки. Во-первых, электрический фонарик: ему надоело спотыкаться по вечерам в гараже о чужие велосипеды. Но фонарики оказались дефицитом. Он объехал три магазина, и все без толку: светомаскировка породила такой спрос, что фонарики мгновенно исчезли с прилавков.

Наконец он забрел в какую-то большую аптеку, постоял немного, беспомощно озираясь по сторонам. Обнаружить фонарик в подобном заведении казалось делом маловероятным. Торговали здесь в основном мылом, духами и всякой дамской косметикой. Он стоял в нерешительности, очень высокий в своей голубой летней шинели, розовощекий и немного смущенный.

От стеллажа с косметикой к нему подошла какая-то девушка.

⁷ Марка конторского клея.

- Я могу вам чем-нибудь помочь, сэр?

Он сказал:

- Да я сам не знаю. Мне нужен электрический фонарик.

- Фонарики, кажется, кончились. У нас есть лампы.

Он оживился.

- Лампа тоже сгодится. Можно посмотреть?

Он пошел за ней в глубину зала.

- А я и не думал, что у вас могут быть такие вещи. Все равно, что в скобяном искать губную помаду.

Она сказала:

- Мы постоянно держим галантерейный ассортимент.

И открыла какую-то картонку.

- Вот, последняя осталась.

Это был кролик из литого стекла с красными глазками. Он стоял на круглой хромированной подставочке с маленькой рукояткой; когда нажимали на выключатель, внутри загоралась лампочка, и все тельце кролика начинало светиться.

Пилот сказал:

- Какое чудо, бог ты мой. Одни глаза чего стоят. А батарейка у него какая?

Он заставил ее разобрать светильник на части и показать ему, потом расплатился и унес лампу с собой, очень довольный. Из аптеки он пошел в кино и просидел там часа два - смотрел какую-то гангстерскую мелодраму, а около девяти уже входил в буфет отеля "Роял Клэрэнс".

Это было самое напряженное время дня; в продолговатой комнате было не протолкнуться. Почти все посетители были молодые люди, почти все мужчины - в военной форме. Там были флотские офицеры, изрядное количество судовых врачей, довольно много младших лейтенантов Добровольческого резерва ВМС - "морячков с волнами"⁸. Там были лейтенанты и капитаны морской пехоты, офицеры-зенитчики и молодые офицеры-саперы; молодые пилоты ВВС с загибающимися книзу серебряными крылышками на груди и молодые пилоты ВМС с золотыми крылышками на рукавах.

В комнате висел сигаретный дым, стоял запах жареного мяса и несмолкающий шум и гам голосов. В двух барах подавали напитки, а

⁸ Офицеры резерва носили волнистые нарукавные нашивки в отличие от прямых - у кадровых военных моряков.

третьим был буфет с высокими табуретами, расставленными вокруг гриля. Середина комнаты была заставлена столами; вдоль стен стояли короткие диваны. Народу набилось не меньше сотни; все курили, разговаривали, ели, пили.

Чэмберс снял шинель, повесил на переполненной вешалке и протиснулся к стойке, за которой работала Мона. С ней были еще две буфетчицы, и все трое бегали, не переставая. Она одарила его торопливой улыбкой и ловко подала джин с итальянским вермутом.

Он сказал:

- Танцуем?

Она ослепительно улыбнулась и кивнула головой. Он взял свой стакан и, работая локтями, протиснулся сквозь толпу назад, в угол.

Кто-то проговорил у него за спиной:

- Радиограмму эту мы так и не получили. Я узнал от Первиса с Т-87. Он передал мне мигалкой около часу дня.

Чэмберс оглянулся; под голубым плакатом, напоминавшим, что военно-морские секреты в общественных местах обсуждать запрещается, сгрудилась небольшая компания резервистов ВМС. Он понял, что они с траулеров, которые возвращались каждый вечер в гавань.

Еще кто-то сказал:

- У нас должно быть больше спасательных средств. Будь у меня пара поплавков "карли", я бы вытащил куда больше народу.

- А шлюпки что, не могли их поднять?

- В шлюпке оказалось только двое настоящих моряков. Их, естественно, едва хватало на то, чтобы удерживать ее носом к волне. А остальные, которые в воде - тех просто унесло. Говоривший помолчал немного, потом сказал, очень тихо: - Твою мать, там был такой кошмар, такая каша. Никогда ничего подобного не видел.

- Солярки много разлилось?

- Да, господа ... Те, что в воде, были ею буквально облеплены. Они просто задыхались в этой заразе. Если б не соляр, я бы вытащил еще несколько человек.

- А всего сколько подобрали?

- Тринадцать, которые в шлюпке, и потом еще семерых из воды. И три трупа.

- Все женщины, наверное, были в шлюпке?

- Нет, из тех семерых, что мы подняли из воды, четверо были мужчины, а трое - женщины. Но две минут через десять умерли. И один мужчина. Пробыли в воде больше часа.

Кто-то сказал:

- Боже мой. Вы их, поди, и поднимали уже готовыми?

- Они просто висели в спасательных жилетах, и все. Фактически, живые покойники.

- Как насчет еще по одной?

- Можно.

Один из "морячков с волнами" стал пробираться к бару. Другой сказал:

- Не понимаю, почему у них была только одна шлюпка. Их ведь не из орудий обстреливали?

- Да, вроде, нет. Во всяком случае, выстрелов мы не слышали. Но из того, что они рассказывали, как будто выходит, что он пошел ко дну на всех парах, делая шесть-семь узлов. Они так и не сумели застопорить ход, чтобы спустить шлюпки.

- Он что, так и гнал вперед, пока не затонул?

- Да.

- Боже мой!

Другой сказал:

- А судовладелец - кто?

- Понятия не имею.

Кто-то третий сказал:

- Сандерсон и Мур, компания "Сандерленд". У них были "Лохенти", "Глен Тей" и "Глен Ормонд".

Чэмберс повернулся к ним:

- Простите, я подслушал, что вы говорили о "Лохенти". Я из береговой авиации, мы патрулируем в вашем районе.

Один из них кивнул:

- На "Энсонах"?

- Да. Скажите, это была подлодка?

- Скорее всего. Для мины слишком глубоко - там фатомов⁹ тридцать будет, не меньше.

- А следов подлодки не видели?

- И не видели, и не нюхали. Постояли немного, послушали, но она уже с час, как смоталась. О чем там говорить.

⁹ Фатом - морская сажень, равная шести футам; применяется для измерения глубины.

Другой сказал:

- Она могла отползти миль на десять в сторону и преспокойно залечь на грунт до темноты. Поди, ищи.

Чэмберс сказал:

- А как всплывет, разве нельзя накрыть?

Офицер с траулера пожал плечами:

- Осталась там у нас пара дрейфтеров - стоят, слушают. Если очень повезет, то может, и засекут ее в потемках.

Другой сказал:

- Ты что пьешь?

Чэмберс сказал:

- Ну, что ты, с какой стати? А, впрочем, джин с итальянским.

Он опять повернулся к тому, кто говорил первым:

- Я патрулировал сегодня с утра, - сказал он, - правда, мой район восточнее вашего. Видимость была ни к черту - мы ни хрена не видели. Боюсь, наш парень, который пашет в этом районе, и судна-то не заметил.

Тот медленно покивал головой:

- Как раз, когда мы снимали их со шлюпки, какой-то самолет прошел над нами пару раз. Мы его слышали, но видеть, не видели.

Один из них сказал:

- Просто чудо, что вы вообще летаете в такую погоду. С месяц назад, примерно в такой же день Билли Стэммерс выловил из воды одного вашего, с "Энсона".

Чэмберс сказал:

- Знаю. Фамилия пилота - Гренфелл. Врезался прямо в воду. Он и бортрадист - в лепешку. Ты об этом случае говоришь?

- Точно. А другие двое сидели в надувной лодчонке.

- Не больно-то тепло в ней в такую погоду.

- Не говори. Хотя, для декабря это еще ничего.

Чэмберс сказал:

- Да все бы терпимо, если б не этот дождь хренов.

Он пробыл с ними еще минут пятнадцать и поставил всем по одной.

Потом сказал:

- Ну, мне надо чего-нибудь пожевать. Завтра как вылетим, я буду поглядывать - может, и высмотрю эту вашу подружку.

Офицер, спасавший потерпевших, вдруг сказал с неожиданной яростью в голосе:

- Увидишь эту заразу, угости ее всем, что там у тебя подвешено.

Моряки, как по команде, замолчали.

Молодой пилот кивнул и сказал трезвым голосом:

- О'кэй. Не сомневайся. И привет ей от вас передам.

Он пошел в сторону гриля.